

Корреспонденции

СЕЛО РОВНОЕ, ЕГО НРАВЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

(Корреспондент «Саратовского Дневника»)

Все мои и многие другие, прежние корреспонденции относительно Ровного были направлены к выяснению торгового значения этого села, которому действительно вот уже несколько лет, что называется, положительно везет. Там, где прежде, лет 5 тому назад, вы видели лачужки ровненских поселян, ныне встретите прекрасные здания громадных размеров, где раньше были лавчонки – ныне прекрасные магазины, в которых выбор товаров едва ли уступит таковому в любом городе. Это село, которое те же пять лет тому назад было просто немецкой колонией, на которую никто не обращал никакого внимания и в которой никто не подозревал такого будущего торгового пункта, ныне сделалось центром сосредоточения всего торгового и чиновного люда волжского района Новоузенского уезда, который раньше был так разбросан по разным замечательным и незамечательным селам нашего уезда. В Ровном живут: судебный следователь, мировой судья, становой пристав, полицейский надзиратель, земский доктор, женщина-врач, ветеринарный врач, представители почтово-телеграфного учреждения, нотариус, агент чумной комиссии, агенты разных страховых обществ и пр., и пр. В те же 5 лет при распадении Тарлыцкой волости с. Ровное, вместе с 3-мя другими селами, образовало отдельную волость, учредив в Ровном волостное правление.

Главная торговля Ровного – хлебная, вследствие чего здесь водворились и обзавелись собственными домами такие богатые фирмы, как Бугров, Башкировы, Блиновы, Духиновы, Квятковские, Воронковы, Миллер и др., закупая ежегодно по несколько миллионов пудов хлеба.

Внешний вид Ровного со стороны очень привлекателен. Подъезжая, например, весной на пароходе к Ровному, вы невольно подумаете, что это какой-то хорошенький городок: прекрасно обстроенные дома, масса лавок на нашей набережной с своим

базаром, которому, впрочем, грозит Волга уничтожением, сотни хлебных амбаров и масса баржей, поглощающих наш хлеб – все это указывает на торговое значение этого села, которому на дальнем расстоянии нет конкурента и которому в недалеком будущем предстоит наилучшая судьба. Но не то совершенно впечатление остается у вас, если я вас поведу внутрь села. Не дай Бог вам забраться туда весной или осенью, в дождливое время, и попасть в наши уличные болота!

Прошлой осенью, благодаря этим болотам, сообщение в Ровном было прекращено и пешему, и конному. Лошади и люди буквально тонули на базаре, например, перед домами Дитц и Голубчикова, где помещаются контора нотариуса и камера мирового судьи. Как-то, года два тому назад, было предложено сходу, не найдет ли он возможным исправить улицы, но общество наше, вместо того, занялось разрешением юридического вопроса: кому следует исправлять улицы и базарную площадь: ему ли или обывателям, т.е. тому ли, кто получает доходы, или тому, кто платит их? Думали, думали, как исправить и... решили так оставить...

Туземные жители Ровного – немцы-католики – благодаря торговому значению этого села, живут достаточно; как все немцы – они флегматичны, суровы, неприспособлены и ленивы до крайности. Как и все немцы, ровненцы пренебрегают всем русским, а как католики – и всем немецким не католическим. Мы не можем, например, забыть долгие споры об отводе мест для православной церкви и лютеранского молитвенного дома. В минуту хорошего настроения ровненцы однажды составили приговор об отводе места под православную церковь; когда же православные в 1885 году начали строить храм, то ровненцам вдруг пришлось не по вкусу, что православные пользуются таким прекрасным местом, – и вот начались придирки со стороны католиков о том, что-де приговор неполный, да и цифры, определяющие длину и ширину отведенного места, исправлены и еще что-то в этом роде. Православные однако не слушали их и преспокойно строили, зная, что наши ровненцы хоть и грубы, но трусы. Не то вышло у немецко-лютеран, которые тоже вздумали было просить об отводе им места под молитвенный дом. Этих своих заклятых религиозных врагов ровненцы встретили с насмешками, что-де как вы, противники и отшельники нашей церкви, смеете просить у нас места, да кроме

того мы и не обязаны и пр., и пр. К счастью лютеран, их выручил единственный из ровненских поселян лютеранин Леонгардт, который безвозмездно предложил свое дворовое место, на котором и воздвигнут молитвенный дом с колокольной.

Вообще наши ровненцы не очень-то церемонны со своими пришельцами-купцами, которые их и поят, и кормят и с которых за места под торговые заведения они сдирают баснословные цены. Восемь лет тому назад, общество сделало приговор о том, чтобы сдавать места на базарной площади под торговые заведения по 50 коп. за кв. сажень. Прошло три года; обществу показалась эта плата мизерной, и оно, не смотря на то, что места были сданы на 12 лет, увеличило плату до 1 руб. 25 коп.; в 1885 г. возвысило до 3 руб., а в 1887 г. – до 5 руб. за кв. сажень. Сделать это, понятно, очень просто, так как торговец не уйдет с насиженного места и не переставит своей лавки, что сопряжено с расходами, да куда и ставить! Таким образом, за место под обыкновенную лавку в 6 и 4 сажени, т.е. в 24 кв. саж., приходится платить ежегодной аренды 120 руб., между тем как за эту же лавку 8 лет тому назад при выстройке ее платили только 12 руб.

Как известно, Волга, ударяя течением своим в ровненский берег, год от года смывает наше Ровное и отняло у него почти всю базарную площадь, прилегающую к Волге, так что базар *volens – polens* приходится переносить на другое место.

И вот составляется приговор об отводе другой площади под базар, а так как торговцам приходится делать при переносе лавок большие расходы, то взимать за места только по 3 рубля за кв. саж., вместо назначенных было 5 руб. Торговцы накупили леса и навезли его на базарную площадь, но ровненцы раскаялись, что понизили цену и сделали новый приговор, по которому оставили прежнюю цену. Торговцы возмутились таким бесцеремонным поступком ровненцев и начали строить свои лавки на дворовых местах ровненских поселян, выходящих на базарную площадь. Тогда, потерпевшие фиаско ровненцы собрались снова и начали думать крепкую думу о том, как переманить к себе торговцев и порешили понизить цену снова до 3 руб. за кв. саж. Вообще вся эта сценка ужасно напоминает известную сказку о сватовстве «Журавля и цапли».

Благодаря таким окладам с пристани, которыми оплачиваются

все подати и повинности, ровненцы при громадных земельных наделах живут как у Христа за пазухой. Они редко занимаются земледелием, сдают свои душевые наделы, за которые при дороговизне земли зашибают хорошую деньгу. Вообще ровненский немец так или иначе отделяется от тяжелой земледельческой работы и, благодаря пристани и торговому значению своего села, находит себе менее тяжелый и более благодарный труд. Всякий, кому приходилось проезжать мимо Ровного в летнее время, в рабочую крестьянскую пору, видел, как весь ровненский берег усыпан массой празднующихся немцев.

Все это благосостояние ровненского немца, которое вошло у нас в поговорку: не родись счастливым, а родись ровненцем, дает ему возможность широко пожить, в чем ровненцы действительно себя и не стесняют. У них, например, существует даже, такой оригинальный приговор о том, чтобы по воскресным и праздничным дням, под опасением большого штрафа, воспретить всякую торговлю, за исключением винной. Нравы наших ровненцев поэтому крайне буйны: напиться пьяными, затеять драку с проявлением всех пошлостей разгульной жизни сделалось у наших ровненцев повседневными занятиями. — А наши ровненский парни! Нет, вы не видели таких парней! От этих парней нет проходу ни днем, ни ночью. Весьма часто приходится наблюдать, как какого-нибудь мирно проезжающего нашими улицами мужичка закидают парни грязью. Вспомните только ярморочную драку ровненских немцев с черебаевскими крестьянами 1884 года и вы имеете полную характеристику ровненского парня. Эти парни от 16 до 21 года сделались страшилищем всех ровненских пришельцев. Обыкновенно вечером они отправляются в кабаки, напиваются пьяными и идут по селу с песнями и криками... Начинаются самые бесцеремонные подвиги по избиванию ваших окон, а если запоздаете где-нибудь в гостях и попадете в руки этих шаек, то и упражнения мускульных сил на ваших ребрах и самая бесцеремонная ревизия ваших карманов. Чтобы не быть голословным, я укажу на факты. Недавно, недели две тому назад, купчиха Школина с фонарем в руке отправилась вечером в православную церковь. На дороге на нее напали двое ровненских парней, которые вышибли у нее фонарь и стали ее бить. К счастью, на крик Школиной подоспели люди, которые и отняли несчастную из рук этих людей. Дело это недавно

разбиралось в волостном суде, который и приговорил этих удальцов к наказанию розгами. Тогда же и к тому же наказанию приговорены двое ровненских парней за кражу гусей. И таких фактов масса и только чтобы не обременять читателя, я выбрал только более свежие.

Таковы нравы наших ровненских немцев. Иной читатель, незнающий, конечно, Ровного, может быть подумает, что я уже слишком строг в отношении ровненцев, что я может быть имею личные счёты с ними, которые желаю свести посредством печатного слова. Но нет, почтенный читатель! Я сам немец, люблю немцев и потому далек от того, чтобы возводить напраслины на своих же сородичей.

Правда, ровненский немец – это совершенно особый тип, который с остальными немцами Камышинского и Новоузенского уездов имеет очень мало общего, и я говорю об этих немцах только потому, что они жители Ровного, того Ровного, которое имеет такое торговое значение, в котором, таким образом, все управление находится в руках далеко не компетентных людей. Я не раз указывал в своих корреспонденциях на то, что Ровное в своем управлении слишком изолировано от своего уездного города Новоузенска, находясь в 200-верстном расстоянии от этого степного городишка¹, который, таким образом, для нас как бы и не существует; что Ровное при другом более разумном управлении получило бы гораздо большее торговое значение и дало бы казне миллионные доходы; что Ровное, переходя в руки правительства, делаясь посадом, заштатным городом или чем хотите, через пять, шесть лет сделалось бы неузнаваемым. — Как Катон в римском сенате обыкновенно заканчивал свою речь словами: *Carthago delegendum est* (а все-таки Карфаген должен быть разрушен), так и я повторяю, что Ровное должно, необходимо должно преобразоваться в город и получить более разумное управление.

Я. Д.

Саратовский дневник, 1888, № 10, с. 3, № 11, с. 3.

¹ Кстати, недавно разбиралось в окружном суде дело одного ровненца, по которому вызывалось 10 человек свидетелей; дело это было перенесено в Новоузенск, вероятно, потому, что Ровное, Новоузенского уезда; между тем от Ровного до Новоузенска 200 верст, а до Саратова только 90 верст.